

Пикнолепсия

Мацевич И. Я., кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии культуры БГУ

*Только благодаря забвению
мы время от времени вновь обнаруживаем
то существо, каким мы были когда-то...*
М. Пруст «В поисках утраченного времени»

Подыскивая слова, чтобы охарактеризовать состояние, в котором пребывают студенты и преподаватели нового поколения iPhone, я остановилась на термине «пикнолепсия» (греч. *рукнос* – частый, *lepsis* – схватывание, приступ) – временное состояние отсутствия. Иногда оно рассматривается как разновидность эпилепсии (в переводе с греческого *epilepsia* – внезапная остановка), иногда – как самостоятельное «заболевание». В данном тексте я определяю пикнолепсию как состояние патологического отсутствия, которое мы все регулярно претерпеваем. Обращаясь к этому понятию, следует подчеркнуть то специфическое состояние сознания, которое не существует для того, кто переживает его.

Французский философ Поль Вирильо в работе «Эстетика исчезновения» рассматривает специфику динамики современной социокультурной реальности сквозь призму видения и освоения окружающего мира сознанием, периодически впадающим в пикнолептические состояния. Последнее чаще всего рассматривается как заболевание детей, которое они со временем перерастают. Однако с течением времени общество эволюционировало таким образом, что научилось воспроизводить эти состояния на протяжении всей жизни человека, более того, получать удовольствие от них. В современном обществе, согласно Вирильо, пикнолепсия как «массовый феномен» является состоянием «парадоксального сна», которое соответствует фазе «погружения в глубокие мечтания» [1, p. 62].

То, что делает видимым и распознаваемым эти временные фазы отсутствия, – это «состояния-между», которые превращаются в пунктирную линию прерывного потока сознания. Сам человек едва ли может заметить эти разрывы. Он узнаёт о них (если узнаёт) от других, наблюдающих за ним, либо по тем последствиям действий, которые он каким-то образом реализовал в момент «отсутствия».

В этих условиях состояние пикнолепсии – единственное условие прорыва преподавателя к студенту и студента к преподавателю. Пикнолепсия – это момент времени, куда прорывается чужое нехотение слушать и понимать Другого. Но в каком пространстве можно реализовать этот прорыв?

Воспроизводство субъектов мысли предполагает существование определённых мест в социальном пространстве, где мыслители могут говорить и передавать свой опыт освоения мира следующему поколению. Так некогда Ликей был местом, где детей учили проявлять заботу в отношении собственных мыслей. «Забота о себе», как её описывал М. Фуко, – вот исток «гражданской» мысли. Забота о полисе рождается из заботы о себе. До осознания своего общественного долга свободную и непреклонную мысль лелеяли в тенистом саду Ликейя наедине с Учителем. И только тогда, когда она достигает зрелости, чтобы делать свои собственные выводы об окружающих событиях, не соглашаться с учителем, логически обосновывая свою точку зрения, – только тогда человек способен стать полноправным гражданином.

Подобный античный подход к преподаванию был характерен и для белорусской философской мысли середины XVII века, ярким представителем которой является философ, родившийся на Минщине, преподававший в Виленском университете, – Лука

Залусский. В 1640 г. в Вильно был опубликован его труд «Общая философия», в котором Залусский обосновывал, почему столь важно начинать образовательный процесс в университете с преподавания принципов «устроения частной жизни»: философ «сначала толкует о более простом – о человеке, устрояющем жизнь лишь сообразно самому себе...» [2, с. 93].

Античная школа «заботы о самом себе», забытая на многие столетия в схоластической философии, возрождается в различных модификациях в белорусской мысли XVII века: «...забота каждого состоит в том, чтобы свою жизнь правильно устроить и организовать прежде, чем приступить к управлению семьёй и государством» [2, с. 93]. Курс философии Залусского интересен тем, что в нём переосмыслиется место и роль практической философии в системе наук. Если Аристотель ставил на первый план теоретическую философию, то Залусский в своём курсе меняет порядок преподавания разделов философии и начинает с этики, экономики и политики. При этом все три раздела входят в состав «науки моральной философии» [2, с. 93]. И лишь после её изложения он переходит к преподаванию логики, натуральной философии и метафизики.

Есть нечто соблазнительное и привлекательное для здравого разума в такого рода образовательной реформе. Но едва ли можно не заметить опасность, которая за ней кроется. Идёт ли речь о заучивании правил «устроения частной жизни», или об их постижении? Возможно ли познать их первоосновы без теоретической философии? Не является ли «практический поворот» в философии началом её вырождения в руководство по выживанию человека в мире и гражданина в государстве? Студенты овладевают готовыми формулами и примерами их решения, не будучи ещё способными вывести их сами. А впоследствии, когда им собираются рассказать о некоей тайне первоначала, они не верят в её существование, полагая, что уже обладают ею.

Развитие в XX веке идеи прогрессивистского образования Дж. Дьюи, а впоследствии и различных версий социального конструктивизма и конструкционизма, подтолкнуло многих преподавателей к введению в практику различных «модных» методик, ориентированных на запросы повседневного опыта. Есть конкретные узкие задачи, которые человек вынужден решать в каждую минуту своей жизни. Студентов учат, как решать их оперативно и качественно, не нарушая установленных правил. Вопрос о происхождении, понимании и добровольном принятии правил сам собой снимается в современном образовании. Тогда как мысль рождается благодаря нахождению в социальном пространстве свободной лакуны для своего развития.

В современной действительности едва заметное и случайное «зависание» компьютера оказывается плодотворным для воспроизводства нового поколения суждений, оформленных преимущественно с помощью эстетических категорий. И единственное, чему преподаватели ещё могут способствовать, находясь в университетской аудитории, – прерыванию чтения. Вооружившись воодушевлением французского философа Г. Башляра, мы воспроизводим лишь былое упование, которое выражается в вечной формуле любого педагогического процесса: «Чтобы передать ценности сокровенного, необходимо, как это ни парадоксально, побудить читателя прервать чтение» [3, с. 34]. А последнее предполагает также возможность научить студента прерывать слушание лекции, чтобы в итоге «смотреть на то, на что вы бы не смотрели, слышать то, что не услышали бы» [1, р. 77].

Регулярные iPhone и iPad сообщения, прерывающие восприятие лекции, сопоставимы с моментами временного исчезновения собеседника из-за периодически повторяющегося разрыва онлайн связи. Вы посылаете ему сообщение, но оно не доходит. Оно будет прочитано лишь тогда, когда загорится зелёная лампочка. Но когда она загорается, сообщение утрачивает смысл – оно уже неактуально.

Сегодня мы должны быть готовы к тому, что разговор в любой момент прервётся, что он никогда не будет доведён хотя бы до условной запятой. Он прервётся на вдохе, и выдоха не будет. Условие взаимного присутствия в установленном месте в течение отведённого лимита времени для реализации так называемого образовательного процесса

сменяется потребностью прерывания этого присутствия, необходимостью воспроизводства пикнолепсии как последней гарантии соотнесения точек координат восприятия преподавателем студента и наоборот. Формула «80 минут и потом вы свободны» уже не работает, так как границы между образовательным и повседневным пространством уже окончательно размыты. Ежеминутное «покидание» образовательного пространства оборачивается единственной возможностью сохранить веру в грядущее возвращение студентов к преподавателю в момент пикнолептического отсутствия. Переориентируясь на иной тип времени общения, рассчитывая лишь на несколько минут прерывного потока сознания, мы подходим всё ближе к утопии университетского образования XXI века.

Литература:

1. The Paul Virilio Reader / ed. by Steve Redhead. – New York : Columbia Univ. Press, 2005. – 274 p.
2. Памятники философской мысли Беларуси XVII – первой половины XVIII в. / В.В. Дубровский [и др.]. – Минск, 1991. – 319 с.
3. Башляр, Г. Избранное: поэтика пространства / Г. Башляр ; пер. с франц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 376 с.